

РЕСТАВРАЦИЯ ИЛЛЮЗИЙ

ДЕТЕКТИВ НА ВЕЧЕР

ЕЛЕНА КОПС

18+

Елена Копс

Рестаурация иллюзий

«Автор»

2026

Копс Е.

Реставрация иллюзий / Е. Копс — «Автор», 2026

Софья Воронова — гениальный реставратор, живущая в тихом мире старинных холстов, пинена и олифы. Она считает себя невзрачной и прячется от реальности в подвале элитной московской галереи. Но её привычный мир рушится в один день: из сверхзащищенного бокса пропадает шедевр Левитана стоимостью в миллионы долларов, а директора галереи находят убитым в собственном кресле. Все улики указывают на Софью, ведь только у неё были ключи и код доступа. Владелец картины, жесткий миллиардер Глеб Потапов, привыкший иметь дело с фальшью и хищными светскими львицами, обрушивает на девушку всю мощь своего влияния. Однако, столкнувшись с её тихим достоинством и фанатичной преданностью искусству, он понимает: Софью подставили.

© Копс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
I	5
II	7
III	9
IV	11
V	13
VI	15
Глава 2	17
I	17
II	19
III	21
IV	23
V	24
Глава 3	26
I	26
II	27
III	28
IV	30
V	31
VI	32
Глава 4	33
I	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Елена Копс

Реставрация иллюзий

Глава 1

I

Софья Андреевна Воронова любила дождь. Не тот легкомысленный, грибной летний дождичек, который заставляет прохожих улыбаться и прикрывать головы ладонями, а настоящий, затяжной, серый октябрьский ливень. Такой, который заряжает с самого утра, превращая московские переулки в глянцевые акварельные наброски, а воздух делает тяжелым, пахнущим мокрым асфальтом, прелой листвой и старым камнем. В такую погоду мир вокруг словно замедлял свой безумный бег, и Соня чувствовала себя в абсолютной, звенящей безопасности.

В её полуподвальной реставрационной мастерской, располагавшейся в самом дальнем крыле элитной галереи «Арт-Престиж», всегда стоял один и тот же запах. Это был сложный, густой, почти осязаемый аромат, состоящий из сотен оттенков: резковатый пинен, сладковатое, тягучее льняное масло, сухой спирт, едкий растворитель номер четыре и тончайший, едва уловимый дух старого, иссушенного временем дерева и столетней патины. Для обычного человека этот коктейль показался бы удушающим, но для Сони он был лучшим парфюмом на свете. Запах стабильности. Запах жизни, которая не обманет.

Соня аккуратно, едва дыша, поправила тяжелые роговые очки. Они были старыми, с толстыми стеклами, и вечно сползали на кончик носа, из-за чего ей приходилось смешно вскидывать голову. Соне было тридцать два года, но сама себе она казалась бесконечно древней — кем-то вроде монастырского писца или средневекового аптекаря. Зеркала в её мастерской не было, и это было осознанным решением. Зачем? Чтобы лишний раз видеть то, что и так отлично знала? Округлые, слишком мягкие плечи, полное отсутствие талии, которую не мог скрыть даже её любимый, растянутый брусничный свитер крупной вязки, и вечно растрепанные, заколотые первой попавшейся под руку деревянной палочкой темно-каштановые волосы. «Серая мышь», — добродушно говорила её покойная бабушка, профессор искусствования. «Зато умная. Умным женщинам зеркала только мешают».

Соня склонилась над подрамником. В её руке, зажата тонкими, испачканными в темной краске пальцами, подрагивала тончайшая кисть из колонка — «нулёвка». На мольберте покоился небольшой пейзаж неизвестного мастера середины девятнадцатого века, условно именованный в каталоге «Опушка леса перед грозой». Накануне Соня обнаружила на нем глубокий, варварский скол красочного слоя — кто-то из грузчиков неудачно переставил раму.

Теперь она занималась тем, что профессионалы называют «тонированием». Это была тончайшая, почти сакральная работа: нужно было не просто заполнить пустоту краской, а внедриться в замысел художника, повторить его мазок, угадать состав лака, который за полтора века пожелтел и изменил первоначальный цвет.

— Еще чуть-чуть охры, — прошептала Соня сама себе, слегка прищутив левый глаз. — И капельку умбры. Совсем на кончике... Вот так.

Она сделала микронное движение кистью. Время для неё остановилось. В мастерской царил полумрак, и только мощная бестеневая лампа на гибкой ножке заливала холст ярким, хирургическим светом. Здесь, под землей, не существовало ни курсов валют, ни пробок на Садовом кольце, ни того гнетущего одиночества, которое обычно наваливалось на Соню по

вечерам, когда она возвращалась в свою пустую однокомнатную квартиру на окраине. Здесь она была демиургом. Она возвращала мертвым вещам их бессмертие.

II

Тишину бесцеремонно, с мясом выдрал резкий, дребезжащий звук зуммера внутренней связи. Соня вздрогнула, рука дрогнула, и кисть оставила на холсте крошечный, но совершенно лишний мазок.

— Проклятье, — тихо выдохнула она, мгновенно хватая ватный тампон, смоченный в разбавителе, и аккуратнейшим движением снимая свежую краску. Сердце заколотилось где-то в горле. Внутренняя связь работала только в экстренных случаях.

Она нажала на черную кнопку тяжелого пластикового аппарата, установленного на стене еще в советские времена.

— Да? Что случилось?

Из динамика, захлебываясь от рыданий и шипения помех, вырвался голос Ксюши, секретарши директора:

— Софья Андреевна! Сонечка, пожалуйста... поднимитесь! Он приехал! Сам приехал!

— Кто «сам»? — Соня нахмурилась, вытирая руки о серую от времени ветошь. — Аркадий Николаевич у себя?

— В том-то и дело! — Ксюша почти кричала, переходя на ультразвук. — Потапов приехал! Глеб Игоревич! Он внизу, рвет и мечет, у него охрана... А Аркадий Николаевич не отвечает! Дверь в кабинет заперта изнутри, я стучу, звоню на мобильный — тишина! Соня, мне страшно, Потапов обещал тут всё разнести! У вас же есть мастер-ключ? Пожалуйста!

Связь оборвалась короткими гудками. Соня несколько секунд смотрела на трубку. Имя Глеба Потапова в галерее «Арт-Престиж» произносили исключительно шепотом, округляя глаза от благоговения и ужаса. Миллиардер, владелец заводов, портов и каких-то бесконечных сибирских месторождений, он одновременно являлся самым крупным и самым безжалостным коллекционером русской живописи конца девятнадцатого — начала двадцатого веков. У него был тяжелый характер, огромные деньги и абсолютное, почти звериное чутье на подделки.

Две недели назад Потапов передал в «Арт-Престиж» на временное хранение и предпродажную экспертизу жемчужину своей коллекции — полотно Исаака Левитана «Сумерки. Стога». Картина оценивалась в какую-то астрономическую сумму с шестью нулями, и Соня лично провела трое суток, изучая холст под микроскопом и в ультрафиолетовых лучах, чтобы составить экспертное заключение для страховой компании. Подлинник был безупречен.

— Ну вот, — вздохнула Соня, глядя на неоконченную «Опушку леса». — Прощай, тишина.

Она стянула с рук тонкие латексные перчатки, бросила их в урну, привычным жестом дернула ворот старого свитера и вытащила из кармана тяжелую связку ключей. Среди них был длинный, стальной мастер-ключ, открывающий любую дверь в этом здании — привилегия главного реставратора и хранителя фондов.

Когда Соня поднялась по крутой винтовой лестнице и толкнула тяжелую дубовую дверь, ведущую в главный холл галереи, она словно попала в зону повышенного атмосферного давления. Воздух здесь был наэлектризован так, что, казалось, поднеси спичку — и всё взлетит на воздух.

Холл «Арт-Престижа» поражал византийской роскошью: мраморные полы, в которых отражались хрустальные люстры, дорогие бархатные банкетки, на стенах — полотна в тяжелых позолоченных рамах (в основном, крепкий второй эшелон передвижников, выставленный на продажу). Но сейчас вся эта роскошь казалась лишь блеклыми декорациями для человека, который мерил шагами пространство у стойки ресепшена.

Глеб Игоревич Потапов оказался именно таким, каким Соня видела его по телевизору, но живую он производил куда более пугающее впечатление. Высокий, широкоплечий, с жест-

кой, военной выправкой, несмотря на дорогой, явно сшитый на заказ итальянский костюм под расстегнутым темно-серым кашемировым пальто. Его лицу с резкими, крупными чертами и упрямым подбородком позавидовал бы любой скульптор, работающий в стиле сурового реализма. Коротко стриженные темные волосы на висках тронула аккуратная, словно выбеленная инеем седина.

Потапов расхаживал по мрамору, и каждый шаг его тяжелых туфель отзывался гулким эхом. За ним, словно наскипидаренный, семенил начальник охраны галереи, отставной майор Семенчук — мужчина обычно солидный и наглый, но сейчас превратившийся в бледную, суетливую тень.

— Я повторяю для тех, кто плохо слышит, — голос Потапова был низким, бархатистым, но в нем явственно слышался хруст ломающегося льда. — Ровно сорок минут назад моя личная служба безопасности зафиксировала удаленный сбой в кодировке электронного замка бокса номер семь. Того самого, где лежит мой Левитан. Я звоню Аркадию — телефон выключен. Я приезжаю сюда — мне говорят, что директор занят. Вы что, издеваетесь надо мной?

— Глеб Игоревич, помилуйте, — лепетал Семенчук, вытирая платком лысину. — Система могла дать ложную тревогу. У нас новейшее оборудование... Аркадий Николаевич, верно, просто заперся, работает с документами. Он просил его не беспокоить...

— К черту ваши документы! — Потапов резко остановился, и Семенчук едва не врезался в его широкую спину. — Если через две минуты дверь не откроется, мои люди вынесут её вместе с куском стены. И поверьте, мне за это ничего не будет.

В этот момент его блуждающий, яростный взгляд наткнулся на Соню. Он замер. Соня стояла у дверей служебного прохода — нелепая, в своем огромном брусничном свитере, джинсах, с деревянной шпилькой в волосах и в нелепых очках. Потапов смерил её быстрым, оценивающим взглядом от ботинок на толстой подошве до растрепанной макушки. В его глазах на мгновение промелькнуло искреннее недоумение: этот человек привык, что в элитных галереях его окружают длинноногие холеные девицы с идеальными укладками и лицами, тронутыми дорогой косметологией. Соня в этот ландшафт не вписывалась никак.

— Это еще кто? — бросил Потапов, не сводя с неё тяжелых серых глаз.

— Софья Андреевна, — с облегчением выдохнул Семенчук, буквально подлетая к ней. — Наш главный реставратор. Хранитель. Сонечка, слава богу! У тебя же есть мастер-ключ? От кабинета Аркадия? И от спецхрана?

— Есть, — тихо, но удивительно спокойно ответила Соня. В отличие от Ксюши, которая уже тихо всхлипывала в углу, уткнувшись в клавиатуру компьютера, Соня не умела паниковать. Опыт работы со старинными холстами научил её главному: суета губит всё. Если холст рвется, нужно не кричать, а брать клей и иглу.

— Отлично, — Потапов сделал три размашистых шага и оказался вплотную к Соне. От него пахло морозным воздухом, дорогим табаком и каким-то горьким, изысканным парфюмом — кажется, ветивером. Он был настолько выше её, что Соне пришлось закинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. — Тогда пошли, Софья Андреевна. Откроете мне эту чертову дверь.

III

Они шли по длинному, полутемному коридору административного крыла. Соня шла впереди, стараясь стучать ботинками как можно тише, но шаги Потапова за её спиной звучали как удары метронома. Семенчук плелся сзади, тяжело отдуваясь.

Кабинет директора, Аркадия Николаевича загорского, находился в самом конце коридора, за массивной дубовой дверью с латунной табличкой. Загорский возглавлял «Арт-Престиж» последние десять лет. Это был импозантный, холерный мужчина за пятьдесят, любитель дорогих сигар, хорошего коньяка и длинных, путаных монологов о судьбах русского искусства. Соня ладила с ним исключительно потому, что никогда не лезла в его финансовые дела, а он, в свою очередь, ценил её редкий реставрационный талант и готовность работать за троих за весьма умеренную плату.

Соня подошла к двери и трижды постучала — громко, отчетливо.

— Аркадий Николаевич? Это Воронова. Извините, к вам Глеб Игоревич.

За дверью царила глухая, мертвая тишина. Соня приложила ухо к замочной скважине. Ни звука. Ни шороха шагов, ни скрипа кожаного кресла, ни дыхания. Только за окном, где-то далеко, глухо гудела Москва.

— Открывайте, — коротко бросил Потапов. Он стоял совсем рядом, Соня чувствовала кожей исходящее от него тепло и сдерживаемую, грозную энергию.

Она выбрала из связки длинный ключ с хитрыми бородками, вставила его в скважину. Ключ повернулся на удивление легко — два оборота. Замок щелкнул. Соня взялась за тяжелую латунную ручку, потянула дверь на себя и сделала шаг внутрь, собираясь произнести дежурные извинения.

Слова застряли у неё в горле.

Кабинет директора всегда был образцом уюта: зеленый ковролин, приглушенный свет настольной лампы с абажуром из зеленого стекла, старинный книжный шкаф, забитый редкими каталогами. Но сейчас этот уют был вдребезги разорван.

Аркадий Николаевич сидел в своем глубоком кожаном кресле, развернутом спиной к окну и лицом к двери. Его голова была неестественно, изломанно запрокинута назад, словно он пытался рассмотреть что-то на потолке. Роскошный галстук-бабочка съехал в сторону, а на белоснежной, хрустящей рубашке, прямо по центру груди, расплывалось огромное, страшное, влажно поблескивающее бурое пятно. Его правая рука свисала до самого пола, и с кончиков пальцев на зеленый ковролин медленно, с интервалом в несколько секунд, падала тяжелая, темная капля.

Глаза Загорского были широко открыты. В них застыло выражение крайнего, почти детского изумления.

— О господи... — выдохнул Семенчук за спиной Сони. Его качнуло, и он ухватился за косяк двери, шумно, с присвистом втягивая воздух.

Соня не закричала. Она просто остановилась, чувствуя, как внутри неё словно повернулся какой-то ледяной ключ, выключая все эмоции. Мир вокруг сузился до размеров этой комнаты. Как реставратор, она привыкла оценивать повреждения хладнокровно. «Убит, — пронеслось в её голове. — Совсем недавно. Кровь еще не свернулась».

Потапов среагировал быстрее всех. Одним мощным движением он отодвинул Соню в сторону, преграждая ей обзор своей широкой спиной. Его пальцы на секунду сжали её плечо — так сильно, что останется синяк, но Соня даже не поморщилась.

— Назад! — его голос прозвучал как выстрел. — Никому не входить. Ничего не трогать. Семенчук, придурок, стой где стоишь! Ксюше своей скажи, чтоб вызывала полицию. Срочно.

Потапов сам сделал два осторожных шага внутрь кабинета, внимательно глядя под ноги. Он не прикасался к телу — он смотрел мимо него. В стене, прямо за креслом покойного директора, была распахнута дверца скрытого сейфа. Из неё торчали какие-то папки, часть бумаг валялась на полу. Но Потапова интересовало не это.

Он резко обернулся к Соне. Лицо его было бледным, но абсолютно спокойным — спокойствием человека, привыкшего действовать в условиях катастрофы.

— Где вход в спецхран? — спросил он тихо, и эта тишина была страшнее любого крика.

— Направо по коридору... за бронированной дверью, — ответила Соня. Её собственный голос показался ей чужим, словно доносился из-под воды.

— Ключи у вас? Карточка?

— Да.

— Идемте. Живо.

IV

Они почти бежали по коридору, оставив Семенчука топтаться у дверей кабинета. Соня едва успевала за широкими шагами Потапова. Её сердце теперь колотилось как сумасшедшее, руки начали мелко дрожать, и связка ключей в кармане противно, предательски звенела.

Бронированная дверь спецхранилища встретила их мертвым блеском нержавеющей стали. Это было сердце галереи — бункер, защищенный по последнему слову техники, со своей системой пожаротушения, кондиционирования и автономным питанием. Здесь хранились вещи, чья стоимость превышала бюджет небольшого европейского городка.

— Открывайте, — скомандовал Потапов, вплотную приближаясь к Соне. Она чувствовала, как от него исходит волна ярости и нетерпения.

Соня достала пластиковую карту-пропуск, приложила её к валидатору. Раздался тихий электронный писк, загорелся желтый огонек. Теперь нужно было ввести код. Рука Сони зависла над цифровой панелью.

— Отвернитесь, пожалуйста, — тихо, но твердо сказала она. — Код конфиденциален.

Потапов издал короткий, похожий на рык звук, но отступил на шаг и демонстративно повернулся спиной. Соня быстро набрала восемь цифр. Панель мигнула зеленым, раздался тяжелый гидравлический вздох, и массивная стальная дверь медленно, со свистом поползла в сторону.

Внутри хранилища было прохладно — автоматика строго поддерживала температуру в восемнадцать градусов и влажность в пятьдесят процентов. Здесь пахло металлом и сухим чистым воздухом. Боксы арендаторов располагались по периметру.

Бокс под номером «7» находился в самом конце. Соня подошла к нему, вставила механический ключ в замочную скважину верхней панели (двойная система защиты: сначала электроника, потом механика). Ключ повернулся плавно. Дверца бокса отошла.

Внутри, на специальном наклонном мольберте-кляссере, обтянутом мягким сукном, должна была стоять картина. Та самая. Левитан. «Сумерки. Стога». Небольшое полотно, на котором великий художник сумел передать всю невыразимую тоску русского вечера — размытые контуры стогов, сиреневые тени, угасающее, тревожное небо.

Мольберт был пуст.

Соня безвольно опустила руки. На полу, прямо у подножия мольберта, валялась тяжелая рама сусального золота — старинная, багетная, девятнадцатого века. Холста в ней не было. Его вырезали. Кто-то очень аккуратно, точным, уверенным движением острого лезвия прошел по самому краю подрамника, срезав полотно со старых кованых гвоздей. На деревянных планках остались лишь узкие полоски серого грунтованного холста с торчащими нитками.

Потапов медленно подошел к пустому месту. Он не произнес ни слова, но Соня видела, как побелели его губы, а на скулах ходуном заходили желваки. Он опустился на одно колено, не заботясь о брюках за несколько тысяч евро, и внимательно осмотрел раму, лежащую на полу. Затем поднялся.

Его взгляд, обращенный на Соню, изменился. В нем больше не было мимолетного удивления или простого гнева коллекционера. Теперь это был взгляд следователя, поймавшего преступника с поличным. Сухой, жесткий, рентгеновский взгляд.

— Вы сказали, что код и мастер-ключи есть только у вас и у Загорского? — спросил он. Его голос упал до шепота, но от этого шепота Соне захотелось вжаться в стену.

— Да, — ответила она, с трудом сглатывая сухой комок. — Доступ в спецхран строго регламентирован. Карты именные. Логи посещений пишутся на сервер...

— Сервер, как мне только что сообщили мои люди, был отключен ровно в одиннадцать сорок. За пять минут до того, как упал замок, — Потапов сделал к ней шаг, сокращая дистан-

цию до минимума. Соня видела крошечную царапину от бритвы на его подбородке и темные, почти черные зрачки его серых глаз. — Загорский мертв. Он физически не мог прийти сюда, отключить сервер, вырезать холст и вернуться в кабинет, чтобы получить пулю в сердце. Логично, Софья Андреевна?

— Логично, — послушно эхом отозвалась Соня. Мысли в её голове ворочались тяжело, словно застывающий клей.

— В таком случае, — Потапов наклонился к ней так близко, что она почувствовала тепло его дыхания, — у вас очень, очень большие проблемы. Ключи у вас. Код знаете вы. Вы — профессиональный реставратор, и вырезать холст так, чтобы не повредить красочный слой у самой кромки — это ваша специальность. Где картина, Софья?

Он впервые назвал её просто по имени, и от этого Соне стало по-настоящему страшно. Она поняла: этот человек не будет ждать выводов полиции. Он искренне считает её соучастницей, «наводчицей» или исполнительницей. И вся её тихая, уютная, безопасная жизнь в подвальной мастерской среди запахов патины и олифы только что разлетелась в мелкие дребезги.

V

Полиция приехала на удивление быстро — видимо, магия имени Глеба Потапова подействовала на дежурного по городу почище любого спецсигнала. Уже через пятнадцать минут холл галереи заполнился людьми в синей форме, экспертами с тяжелыми чемоданами и какими-то хмурыми мужчинами в штатском.

Соню и Потапова вежливо, но непреклонно попросили вернуться в холл. Семенчука, который пребывал в полуобморочном состоянии, увели в бытовку охраны. Ксюшу, накачанную успокоительным, посадили на диван, где она тихо инертно раскачивалась из стороны в сторону.

Соня сидела на краю роскошной бархатной банкетки, чувствуя себя невероятно грязной и неуместной среди всей этой суеты. Её свитер казался ей теперь огромным коконом, который не защищал, а наоборот, делал её уязвимой. Очки запотели, но она боялась снять их, чтобы протереть — казалось, если она это сделает, мир окончательно потеряет четкость и рухнет.

Потапов стоял у огромного панорамного окна, спиной к залу. Он разговаривал по телефону, коротко, отрывисто бросая в трубку: «Да. Нашли. Загорский «двухсотый». Левитана нет. Работали свои. Я на месте. Никуда не уеду».

К Соне подошел плотный, невысокий человек в помятом сером плаще, из-под которого виднелся допотопный шерстяной жилет. У него было круглое, скуластое лицо, усталые глаза и редкие, зачесанные назад волосы. В руках он держал потрепанный блокнот.

— Капитан Гордеев, Московский уголовный розыск, — представился он, негромко, почти извиняюще. — Вы, стало быть, Воронова Софья Андреевна? Главный реставратор?

— Да, — Соня подняла на него глаза. — Это я.

— Софья Андреевна, мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы не против, если мы присядем? — он кивнул на соседнюю банкетку.

Потапов у окна закончил разговор, нажал кнопку отбоя и, не оборачиваясь, переместился ближе, встав так, чтобы слышать каждое слово. Соня почувствовала его тяжелый, контролирующий взгляд.

— Скажите, Софья Андреевна, — Гордеев полистал блокнот, выудил из кармана дешевую шариковую ручку, пощелкал колпачком. — Когда вы в последний раз видели Аркадия Николаевича живым?

— Утром. Около десяти часов, — ответила Соня, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я заходила к нему подписать акты приема-передачи на партию графики, которую мы выставляем в малом зале. Он был как обычно. Пил кофе. С кем-то разговаривал по городскому телефону, но когда я вошла, он сразу положил трубку.

— О чем разговаривал, не слышали? — Гордеев делал пометки в блокноте.

— Нет. Я услышала только фразу: «Всё в силе, не суетись». И всё. Он подписал бумаги, я ушла к себе в мастерскую.

— И из мастерской больше не выходили?

— Нет. До того момента, пока меня не вызвала Ксения по внутренней связи. Это было... примерно в двенадцать часов. Или чуть раньше.

— Понятно, — Гордеев почесал ручкой за ухом. — А скажите, Софья Андреевна, кроме вас и покойного Загорского, кто-нибудь еще имел доступ к коду спецхрана? Может быть, Семенчук? Или Ксения?

— Нет, — Соня покачала головой. — Система авторизации «Арт-Престижа» уникальна. Код раз в месяц менял лично Аркадий Николаевич и выдавал его мне в запечатанном конверте. Семенчук отвечает только за внешний периметр охраны и общие залы. К спецхрану он не имеет никакого отношения.

— Значит, только вы и Загорский, — Гордеев выделил эти слова интонацией, и Соня поняла, что петля начинает затягиваться. Все сходилось на ней.

— Это не она, — вдруг раздался от окна резкий голос Потапова.

Капитан Гордеев медленно повернул голову. Соня тоже удивленно посмотрела на миллиардера. Тот подошел ближе, заложив руки в карманы брюк.

— Глеб Игоревич, — мягко заметил следователь, — мы пока просто собираем информацию. Позвольте мне делать мою работу.

— Делайте, капитан, кто вам мешает, — Потапов прищурился. — Только делайте её головой. Если бы эта девица — он небрежно кивнул на Соню, — хотела украсть моего Левитана, она бы не стала резать холст сегодня, когда я нахожусь в Москве и контролирую систему безопасности. Она реставратор. Она могла подменить оригинал копией еще неделю назад, когда холст лежал у неё на столе на экспертизе. И я, и ваша доблестная экспертиза заметили бы подмену дай бог через месяц. А она выдала мне официальное заключение о подлинности. Зачем ей устраивать этот кровавый балаган с убийством директора?

Соня уставилась на Потапова, приоткрыв рот от изумления. Пять минут назад в хранилище он обвинял её в краже, а теперь, перед лицом полиции, хладнокровно и логично защищал. Зачем?

Гордеев хмыкнул, закрыл блокнот и поднялся.

— Логика в ваших словах есть, Глеб Игоревич. Но факты — упрямая штука. Ключи у гражданки Вороновой. Код у неё. И эксперт наш предварительно шепнул: холст резал профессионал. Так что, Софья Андреевна, — капитан посмотрел на Соню без всякой злобы, скорее с сочувствием, — я попрошу вас пока не покидать здание. Сейчас закончим осмотр кабинета, и поедем в управление. На официальный допрос.

Соня просто кивнула. Сил спорить или что-то доказывать у неё не было.

VI

Время потянулось бесконечной, липкой лентой. В галерее становилось всё холоднее — то ли из-за постоянно открывающейся входной двери, через которую следователи выносили какие-то чемоданы, то ли от общего ощущения ужаса, поселившегося в этих стенах.

Потапов куда-то исчез — его вызвал к себе старший следственной группы, работавший в кабинете Загорского. Соня осталась одна на своей банкетке. Ксюшу уже увезла скорая — у девочки случился нервный срыв. Обычные сотрудники галереи, пришедшие на работу к двенадцати, толпились на улице, за оградительной лентой, под проливным дождем. Лица у всех были испуганные и любопытные.

Соня закрыла глаза. Перед её мысленным взором неотступно стояло лицо Аркадия Николаевича. Тот самый удивленный взгляд, направленный в потолок. Загорский был не самым честным человеком на свете — Соня знала, что он приторговывал «левыми» картинами, иногда завышал стоимость экспертиз, брал откаты у коллекционеров. Но он не был злодеем. Он любил жизнь, любил хорошие рестораны, гордился своей галереей. Кто мог прийти к нему в кабинет, спокойно выстрелить в грудь, а потом спуститься в спецхран и забрать картину?

И главное — как убийца попал в хранилище?

«Если сервер был отключен в одиннадцать сорок, — думала Соня, и её реставрационный, привыкший к логическим цепочкам ум начал медленно раскручивать клубок, — значит, электронный замок бокса открылся автоматически. Это стандартная функция безопасности на случай пожара: если питание полностью пропадает, замки разблокируются, чтобы ценности можно было эвакуировать. Но механический замок бокса! Его невозможно открыть без ключа. А ключ был только у меня и у Аркадия... Стоп».

Соня распахнула глаза. У неё внутри всё перевернулось.

Связка ключей Аркадия Николаевича! Когда они вошли в кабинет, его тело сидело в кресле, сейф был открыт. Но где были его ключи? Соня не видела их ни на столе, ни на полу. Если убийца забрал связку ключей директора, он мог спокойно спуститься в спецхран, открыть механический замок седьмого бокса, вырезать Левитана, а потом... потом просто уйти через черный ход?

Она вскочила с банкетки, собираясь найти капитана Гордеева и рассказать ему об этой догадке, но наткнулась прямо на Потапова. Он как раз выходил из коридора, ведущего к кабинетам. Его кашемировое пальто теперь было накинуто на плечи, лицо казалось серым от усталости и злости.

— Куда это вы собрались, Софья Андреевна? — спросил он, преграждая ей путь.

— Ключи... — выдохнула Соня, хватая его за рукав пиджака. Пальцы её судорожно сжались на дорогой ткани. — Глеб Игоревич, ключи Аркадия Николаевича! Убийца забрал их. Сейф был открыт, ключей на столе не было. Ему не нужен был мой код, понимаете? Он отключил сервер, замки разблокировались, а бокс он открыл ключом Аркадия!

Потапов посмотрел на её руку, зажавшую его рукав, затем перевел взгляд на её лицо. Его серые глаза сузились.

— Поздравляю, Воронова, — тихо сказал он. — До вас дошло то, что этот увалень Гордеев понял только пять минут назад. Да, ключей Загорского на месте преступления нет. Убийца унес их с собой. Вместе с моим Левитаном.

— Но тогда... тогда я не виновата? — в голосе Сони прозвучала робкая, почти детская надежда. — Полиция же поймет это?

Потапов горько, коротко усмехнулся. Он аккуратно, но твердо снял её пальцы со своего рукава.

— Вы очень наивны, Соня. Для полиции это означает лишь одно: убийца точно знал, где Загорский хранит ключи, и знал структуру нашей системы безопасности. Это мог быть любой, кто вхож в близкий круг директора. И вы в этом списке — под номером один. Так что расслабляться вам рано. Наоборот, самое интересное только начинается.

В холл снова вышел капитан Гордеев.

— Гражданка Воронова, — окликнул он её. — Машина готова. Проедемте в управление для снятия показаний и составления протокола. Глеб Игоревич, вас мы пока отпускаем, но будьте на связи.

Соня обернулась, посмотрела на Потапова. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на неё своим тяжелым, непроницаемым взглядом. В этом взгляде больше не было явной агрессии, но не было и жалости. Только холодный расчет и какое-то странное, пробуждающееся любопытство.

— Я буду на связи, капитан, — ответил Потапов, не сводя глаз с Сони. — Более того, я сам приеду в управление. Мне очень интересно послушать, что расскажет вам наш главный реставратор.

Соня вздохнула, поправила сползающие очки, потянула пониже рукава своего нелепого брусничного свитера и сделала шаг навстречу затяжному, холодному кошмару, который ждал её за дверями галереи. Октябрьский дождь на улице припустил с новой, неистовой силой.

Глава 2

I

В здании следственного управления на Осеннем бульваре пахло именно так, как и должно пахнуть в месте, где человеческие беды поставлены на конвейер. Это был застарелый, въевшийся в пористые бетонные стены запах мокрых шинелей, дешевого табачного дыма, растворимого кофе, канцелярского клея и хлорки, которой техничка тетя Маша каждое утро лениво размазывала грязь по линолеуму.

Соня сидела на узком деревянном стуле в коридоре третьего этажа уже больше двух часов. Ботинки её намокли еще у крыльца галереи, и теперь ноги неприятно подмерзали. Время от времени мимо неё торопливо проходили люди — мужчины в серых костюмах, оперативники в кожаных куртках, женщины с охапками папок, перевязанных суровыми нитками. Никто не обращал на Соню ни малейшего внимания. Для этого огромного, равнодушного механизма она была всего лишь «материалом», элементом под номером таким-то в череде утренних происшествий по округу.

Её брусничный свитер казался здесь вызывающе ярким, неуместным пятном. Соня куталась в него, пряча ладони в растянутые рукава, и неотрывно смотрела на висящий напротив плакат, призывающий граждан к бдительности. Очки снова сползли на кончик носа, но поправлять их не было сил. Внутри царил странная, звенящая пустота. Страх, который парализовал её там, в спецхранилище под холодным взглядом Потапова, куда-то испарился, оставив вместо себя лишь глухое, тупое равнодушие и сильную головную боль.

Тяжелая дверь с табличкой «Капитан юстиции Гордеев М. А.» наконец приоткрылась. Из кабинета повалил густой сизый дым, и оттуда высунулся сам капитан. Без плаща, в одном лишь помятом шерстяном жилете поверх серой рубашки, он выглядел еще более домашним и занудным, чем в галерее.

— Воронова, зайдите, — негромко позвал он, потирая покрасневшие от усталости глаза.

Соня поднялась. Колени неприятно хрустнули. Она вошла в небольшой, до отказа забитый канцелярской мебелью кабинет. Здесь всё было завалено бумагами: они лежали стопками на подоконнике, громоздились на двух огромных сейфах, занимали три четверти массивного письменного стола. На углу стола сиротливо примостился старый электрический чайник с полуотломанной пластиковой ручкой.

Но самым удивительным было не это. В углу кабинета, на продавленном кожаном диванчике, который, казалось, помнил еще допросные времена конца прошлого века, сидел Глеб Потапов. Он уже снял свое роскошное кашемировое пальто, оставшись в безупречном пиджаке. Его длинные ноги были вытянуты, а в руках он держал надколотую фаянсовую чашку, из которой поднимался тонкий пар. Появление миллиардера в кабинете районного следователя выглядело настолько фантастически, словно в этот подмосковный ОВД случайно забрел английский лорд.

— Садитесь, Софья Андреевна, — Гордеев указал ручкой на стул напротив своего стола. — Извините за дым, вентиляция у нас, сами понимаете, одно название. Будете чай?

— Нет, спасибо, — тихо ответила Соня, присаживаясь на край стула и аккуратно складывая руки на коленях.

— А я бы на вашем месте не отказывался, — неожиданно подал голос Потапов из своего угла. Его низкий, бархатный баритон заставил Соню вздрогнуть. — Чай у капитана паршивый, пакетный, зато горячий. А вы синяя вся, как холст негрунтованный.

Соня обернулась и посмотрела на него через толстые стекла очков. В его серых глазах не было сочувствия — скорее, холодное, чисто исследовательское любопытство. Он наблюдал за ней, как наблюдают за редким насекомым, попавшим в банку.

— Пожалуй... я выпью, если можно, — тихо произнесла Соня, обращаясь к Гордееву.

Капитан кивнул, кряхтя поднялся, плеснул в чистый стеклянный стакан в латунном подстаканнике кипятка, бросил туда пакетик и пододвинул к Соне. Туда же легли два кусочка колотого сахара-рафинада прямо на обрывке газеты.

— Ну-с, приступим, — Гордеев устроился в своем кресле, которое жалобно скрипнуло под его весом. Он вставил в старую печатную машинку «Оливетти» чистый лист бумаги, проложенный копиркой. На дворе стоял двадцать шестой год, у всех на столах давно красовались новенькие мониторы, но Гордеев, судя по всему, питал к архаичной технике какую-то личную, почти интимную привязанность. — Нам с вами, Софья Андреевна, нужно составить подробный протокол. Вы уж извините за занудство, вопросов будет много, и некоторые из них вам покажутся глупыми. Работа такая.

II

— Давайте начнем с самого начала, — Гордеев занес пальцы над пожелтевшими клавишами машинки. — Ваша должность в галерее «Арт-Престиж»?

— Главный реставратор и хранитель фондов, — четко ответила Соня. Она взяла стакан с чаем обеими руками, пытаясь согреть пальцы. Горячее стекло приятно обжигало ладони.

— Как долго вы там работаете?

— Семь лет. Сразу после окончания строгановки и магистратуры в институте Грабаря. Меня пригласил сам Аркадий Николаевич. Моя бабушка, профессор Воронова, хорошо его знала.

— Так, — Гордеев сделал несколько быстрых ударов по клавишам. Машинка отозвалась сухим, пулеметным треском. — Значит, Загорский был старым знакомым вашей семьи. Отношения у вас были... какие? Чисто деловые? Личные? Может быть, интимные?

Соня даже не возмутилась. Она лишь слегка нахмурилась и посмотрела следователю прямо в глаза.

— Чисто профессиональные, капитан. Аркадий Николаевич ценил меня как специалиста, который может реанимировать холст любой сложности и не задает лишних вопросов о происхождении некоторых частных коллекций. Я ценила его за то, что он оборудовал для меня великолепную мастерскую и не мешал работать. Мне тридцать два года, я живу одна, и моя личная жизнь никак не была связана с директором. Ему нравились женщины совсем другого типажа. Вы ведь видели Ксению.

Из угла донесся короткий, глухой смешок Потапова. Гордеев покосился на миллиардера, но ничего не сказал, лишь пометил что-то в своем блокноте.

Потапов тем временем внимательно разглядывал Соню. Он повидал на своем веку сотни подозреваемых, фигурантов, жуликов крупного и мелкого пошиба. Когда у людей его уровня пропадали ценности, подозреваемые обычно вели себя предсказуемо: либо бились в истерике, доказывая свою невиновность, либо заискивали, либо замыкались в глухой, озлобленной обороне. Из них так и брызгал адреналин, смешанный со страхом разоблачения или потери свободы.

Эта же странная девица в брусничном свитере вела себя совершенно иначе. В ней не было ни капли суеты. Её манера говорить — ровная, взвешенная, без лишних сорных слов и оправдательных интонаций — выдавала человека, привыкшего иметь дело с вечными ценностями. В её позе, в том, как она держала этот копейный стакан в подстаканнике, сквозило какое-то странное, глубокое, почти монастырское достоинство. Она не пыталась казаться лучше, не пыталась понравиться следователю или ему, Потапову. Ей было глубоко плевать на то, какое впечатление она производит. Она просто констатировала факты.

«Интересно», — подумал Глеб, отпивая остывший чай. Его внутренний радар, который редко ошибался в людях, начал подавать сигналы о том, что эта «серая мышь» — далеко не так проста, как кажется на первый взгляд.

— Хорошо, — Гордеев снова застучал по клавишам. — Перейдем к системе безопасности. Вы утверждаете, что код от спецхранилища знали только вы и Загорский. Откуда у вас уверенность, что Аркадий Николаевич не мог передать его кому-то еще? Например, своей супруге? Или той же Ксении?

— Потому что Аркадий Николаевич, при всей его внешней вальяжности, был патологически подозрительным человеком, — Соня сделала маленький глоток чая. — Он знал реальную стоимость вещей, которые лежали в боксах. Жена Загорского, Елена Витальевна, последний раз была в галерее три года назад, её интересуют только бутики в Милане. А Ксения... Ксения путает Моне и Мане, капитан. Доверить ей код от хранилища, где лежит Левитан сто-

имостью в пять миллионов долларов, это все равно что вывесить этот код на рекламном щите на Садовом кольце. Загорский не был дураком.

— Разумно, — согласился Гордеев. — Тогда вернемся к механическому ключу. Вы сказали, что убийца, скорее всего, забрал связку ключей директора. Но ведь у вас тоже был свой ключ. Где он находился в момент убийства?

— В кармане моих джинсов, — Соня похлопала по правому бедру. — Вот здесь. Я никогда не оставляю ключи в мастерской, даже если выхожу на пять минут помыть кисти. Это правило, которое мне привили еще на первом курсе реставрационного факультета. Ключ от фонда — это часть твоей руки.

III

— Софья Андреевна, — Гордеев откинулся на спинку кресла и сплёл пальцы на животе. Его взгляд стал более цепким, занудная маска на секунду спала. — Вы ведь понимаете, как всё это выглядит со стороны? Сервер отключается в одиннадцать сорок. Обесточивается электронный замок спецхрана. В это же время, плюс-минус десять минут, убивают Загорского. Убийца забирает его ключи, спускается вниз, открывает седьмой бокс и вырезает картину. Но скажите мне, как реставратор реставратору... Кхм, то есть профессионалу. Сколько времени нужно, чтобы так аккуратно вырезать холст из подрамника?

Соня на секунду задумалась. Она закрыла глаза, мысленно представляя себе размеры левитановского полотна — примерно пятьдесят на семьдесят сантиметров. Старый, плотный льняной холст, покрытый слоем грунта и масляной краски.

— Если работать обычным канцелярским ножом или скальпелем... — Соня открыла глаза и посмотрела на свои руки. — И если делать это качественно, чтобы не повредить кромку авторской живописи, нужно не менее трех-четырёх минут. Холст натянут туго, старинные гвозди сидят плотно. Нужно резать вплотную к багету, аккуратными, короткими движениями. Если поторопиться — нож сорвется, и вы распорете полотно наискось. Тогда картина потеряет половину стоимости. Убийца действовал хладнокровно. Рука у него не дрожала.

— Три-четыре минуты, — повторил Гордеев, делая пометку. — Плюс дойти от кабинета директора до подвала — еще минуты две. Плюс обратно. Итого, убийца находился в здании галереи как минимум минут десять после выстрела. И никто его не видел. Семенчук сидел на посту охраны, Ксения на ресепшене. Черный ход, говорите? Он ведь тоже оборудован камерами?

— Оборудован, — подал голос Потапов. Он поставил пустую чашку на подоконник и поднялся с дивана. — Только вот незадача, капитан. Черный ход выходит во внутренний двор-колодец, где паркуются машины сотрудников. И камера там всего одна. И она, по странному стечению обстоятельств, в одиннадцать тридцать пять была аккуратно замазана обычной бытовой краской из баллончика. Мои ребята проверили это еще до приезда вашей опергруппы.

Гордеев недовольно поморщился.

— Глеб Игоревич, я же просил: не лезьте впереди паровоза. Ваши ребята... Ладно. Значит, акция была спланирована заранее. Убийца знал расположение камер, знал тайминг отключения сервера.

Капитан снова повернулся к Соне.

— Воронова, а теперь самый неприятный вопрос. Неделю назад вы проводили окончательную экспертизу этого Левитана. Составляли технологическую карту, брали пробы лака, смотрели холст в рентгеновских лучах. Скажите мне честно: копия этой картины в природе существует? Высококлассная, старая копия, которую можно было бы выдать за оригинал?

В кабинете повисла тяжелая, густая тишина. Даже печатная машинка замолчала. Потапов замер, не дойдя до стола следователя двух шагов. Его взгляд буквально впился в лицо Сони.

Соня медленно опустила стакан с чаем. Её пальцы снова сжались в замок.

— Капитан, — сказала она тихо, и в её голосе впервые прозвучали стальные нотки. — Вы сейчас спрашиваете меня, не подменила ли я картину сама. Я отвечу вам. Да, у Левитана были ученики. Да, в начале двадцатого века было сделано несколько очень качественных повторений этой работы. Одно из них хранится в частном собрании в Нижнем Новгороде, другое — в запасниках провинциального музея. Но подменить картину такого уровня в процессе экспертизы — невозможно.

— Почему это? — прищурился Потапов, делая еще шаг вперед. Теперь он стоял над Соней, и его тень полностью закрывала её от света настольной лампы.

— Потому что у каждого старинного холста есть свой «паспорт», который невозможно подделать, — Соня подняла голову, смело встречая взгляд миллиардера. — Это кракелюр. Сеть микротрещин на поверхности краски. Она уникальна, как отпечатки пальцев у человека. Она формируется десятилетиями под воздействием влажности, температуры, натяжения холста. Я сделала макрофотографии каждого квадратного сантиметра вашего Левитана, Глеб Игоревич. Я знаю характер растрескивания грунта у левого стога, я знаю форму крошечного пузырька лака в верхнем правом углу, где небо. Если бы мне принесли копию — даже самую гениальную, выполненную современником Левитана на старом холсте — я бы увидела подделку через три секунды работы с лупой. И Загорский об этом знал.

IV

Потапов долго смотрел на неё. В его голове сейчас происходил сложный аналитический процесс. Эта женщина не лгала. Он умел распознавать ложь по мимике, по дыханию, по микровибрациям голоса — на этом была построена вся его жесткая бизнес-стратегия последних двадцати лет. Софья Воронова говорила правду. Ей было искренне обидно за свою профессию, и эта профессиональная гордость сейчас перевешивала любой страх перед тюрьмой.

«Она не в доле, — окончательно решил для себя Потапов. — Слишком фанатична. Такие за деньги не продаются. Они живут в своем вымышленном мире, где Левитан важнее, чем все мои миллиарды».

— Ладно, капитан, — Потапов резко повернулся к Гордееву. — Хватит мучить девушку. Она вам всё сказала. Отпускайте её под подписку, или как там у вас это называется. Ей нужно поспать. Да и мне тоже.

Гордеев удивленно поднял брови.

— Глеб Игоревич, вы меня поражаете. То вы требуете немедленно арестовать весь персонал галереи, то выступаете в роли адвоката главного подозреваемого.

— Она не подозреваемая, — отрезал Потапов, накидывая пальто на плечи. — Она единственный человек в этой клоаке, который понимает, ЧТО именно украли. И она мне еще понадобится. Софья Андреевна, подпишите протокол, я жду вас внизу. Довезу до дома.

— Не нужно, — Соня тоже поднялась. — Я доеду на метро. Это быстрее.

— Я не спрашиваю вашего разрешения, Воронова, — Потапов посмотрел на неё сверху вниз со своей обычной, не терпящей возражений уверенностью. — На улице стена дождя, время почти четыре часа дня, такси вы будете ждать до второго пришествия. Подписывайте бумаги и идите к выходу. Мой «Майбах» трудно не заметить.

Он коротко кивнул следователю и вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Гордеев вздохнул, вытащил из машинки листы бумаги, проложил их заново и протянул Соне ручку.

— Ну, Софья Андреевна, считайте, что вам крупно повезло. Потапов — человек страшный, но если он решил, что вы не виноваты, то наши генералы костями лягут, а дело будут копать в другом направлении. Подпишите здесь, здесь и вот тут.

Соня послушно расписалась на шершавых листах протокола. Рука её уже не дрожала. Она чувствовала странное, опустошающее облегчение. Главное испытание этого дня было позади, но впереди её ждала поездка в черном, огромном автомобиле человека, который только что бесцеремонно вторгся в её уединенную, тихую жизнь.

V

Когда Соня вышла на крыльцо следственного управления, октябрьский вечер уже полностью вступил в свои права. Неоновые вывески магазинов расплывались в мокром воздухе длинными, кроваво-красными и ядовито-зелеными полосами. Дождь не прекращался, он лишь стал мельче, превратившись в холодную, пронзительную изморось, которая мгновенно оседала на лице и волосах.

Прямо у входа, перекрывая половину тротуара, урчал мощным мотором огромный угольно-черный «Майбах». Задняя дверь автомобиля мгновенно распахнулась, как только Соня ступила на мокрый асфальт. Из салона хлынул мягкий, теплый свет и тонкий аромат дорогой кожи.

— Садитесь, Воронова, не мокните, — раздался из глубины салона знакомый голос.

Соня помедлила секунду, затем вздохнула, пригнула голову и скользнула внутрь. Дверь за ней захлопнулась с глухим, дорогим щелчком, полностью отсекая все звуки внешнего мира. Здесь, внутри, царила абсолютная, космическая тишина. Настолько глубокая, что Соня услышала собственное прерывистое дыхание.

Салон автомобиля напоминал кабину частного самолета: кресла из нежнейшей кремовой кожи, панели из натурального матового ореха, на небольшом столике между сиденьями стояла открытая бутылка минеральной воды и два хрустальных стакана.

Потапов сидел, откинувшись на подголовник, его глаза были закрыты. На нем больше не было пиджака — он остался в тонком, темно-синем кашемировом пуловере, который делал его фигуру чуть менее агрессивной, но не менее мощной.

— Куда ехать? — спросил он, не открывая глаз.

— Проспект Вернадского, девяносто четыре, — тихо ответила Соня, стараясь прижаться как можно ближе к своей двери, чтобы не испачкать своим мокрым брусничным свитером безупречную кожу сиденья. — Это у метро «Юго-Западная».

Потапов коротко кивнул водителю, отделенному от салона темным стеклом перегородки. Машина мягко, без малейшего толчка тронулась с места и поплыла по залитой дождем Москве.

Несколько минут они ехали в полном молчании. Соня смотрела в окно, на стекающие по стеклу капли, в которых дрожали отражения уличных фонарей. Она ждала, что Потапов снова начнет допрос, начнет требовать от неё каких-то признаний или версий, но он молчал.

— Вы действительно думаете, что картину вырезал профессионал? — вдруг спросил он, по-прежнему не открывая глаз.

— Да, — Соня повернула к нему голову. — Тот, кто это сделал, точно знал анатомию подрамника. Он не спешил, он не рвал холст. Это работа человека, который часто держит в руках режущие инструменты. И который понимает ценность живописи. Обычный вор просто рванул бы холст на себя, вырвав его вместе с гвоздями, или унес бы картину прямо в раме, несмотря на её вес и габариты.

— Загорский... — Потапов наконец открыл глаза и посмотрел на неё. В полумраке салона его взгляд казался темным, почти черным. — У него были долги? Вы ведь наверняка что-то слышали. В таких закрытых заведениях, как ваша галерея, сплетни разлетаются мгновенно.

Соня замаялась. Ей не хотелось говорить плохо о покойном, но скрывать очевидное сейчас было глупо и опасно.

— Аркадий Николаевич любил жить на широкую ногу, — тихо произнесла она. — Последний год у него были проблемы. К нам часто приходили странные люди... не из мира искусства. Они не смотрели картины, они закрывались у него в кабинете и громко спорили. Ксения как-то проговорила, что шеф увлекся какими-то закрытыми играми. То ли казино,

то ли подпольные ставки. Я не вникала, мне это было неинтересно. Но в последнее время он был очень дерганым. Постоянно пил успокоительное.

— Игровые долги, — Потапов горько усмехнулся и покачал головой. — Старо как мир. Ради спасения шкуры этот дурак мог пойти на всё. Даже на то, чтобы инсценировать кражу моей картины. Но зачем его убили?

— Возможно, он передумал в последний момент? — предположила Соня. — Или захотел больше денег? Или... тот, с кем он договорился, решил просто не платить и убрать свидетеля.

Потапов молчал. Машина тем временем съехала на Третье транспортное кольцо. Скорость увеличилась, но внутри салона это ощущалось лишь по тому, как быстрее замелькали огни за окном.

Глеб посмотрел на Соню. Она сидела, сжавшись в комок, её волосы окончательно растрепались, пара прядей прилипла к влажному лбу. Большие очки делали её похожей на испуганную сову. Она выглядела уставшей, беззащитной и... удивительно настоящей. В её мире не было места той фальши, снобизму и хищной грации, от которых Потапова уже тошнило в его привычном светском окружении. Каждая женщина, которую он встречал за последние годы, пыталась продать ему себя — подороже, повыгоднее, упаковав в красивую обертку из фальшивых улыбок и модных брендов.

Эта же девица в нелепом брусничном свитере ничего не продавала. Она просто была Софьей Вороновой. И в этой её искренности, в её тихом достоинстве было что-то такое, что заставило жесткое, давно зачерствевшее сердце миллиардера впервые за много лет пропустить один удар.

— Приехали, Глеб Игоревич, — раздался из динамика тихий голос водителя.

Машина остановилась у серой, типовой девятнадцатизэтажки на проспекте Вернадского. Обычный столичный двор, заставленный машинами попроще, залитый лужами и засыпанный мокрыми листьями.

Соня потянула за ручку двери.

— Спасибо, что довезли, Глеб Игоревич. И... спасибо, что заступились перед следователем.

Потапов посмотрел на неё, и на его лице появилась странная, едва заметная улыбка.

— Не обольщайтесь, Воронова. Я сделал это исключительно в собственных интересах. Завтра в десять утра я жду вас в галерее. Полиция закончит осмотр, и мы с вами начнем искать моего Левитана. Сами. Без этих увальней из МУРа. Вы мне нужны как эксперт. Возражения не принимаются.

Соня посмотрела на него, вздохнула и тихо ответила:

— Хорошо. Я буду в десять. До свидания.

Она выскочила из машины под мелкую октябрьскую изморось. Дверь «Майбаха» захлопнулась, и автомобиль медленно, бесшумно растаял в темноте московского переулочка. Соня повернулась и пошла к своему темному, неуютному подъезду, еще не зная, что её привычная, спокойная жизнь реставратора закончилась навсегда.

Глава 3

I

Подъезд встретил Сою привычным, унылым гостеприимством: тусклым светом голой лампочки под засиженным мухами пластиковым плафоном, стойким запахом жареного лука из квартиры бабы Маши с первого этажа и заунывным воем соседского шпица. Лифт, исписанный неровными подростковыми маркерами, поднимался на четырнадцатый этаж с таким натужным скрипом, словно каждый метр давался ему с невероятным трудом.

Соня прислонилась спиной к холодной металлической стенке кабины и закрыла глаза. Её знобило. Тяжелая брусничная шерсть свитера, впитавшая в себя влагу октябрьской измороси и тяжелые, удушливые запахи следственного управления, теперь казалась неподъемным панцирем.

Дверь её квартиры — старая, обитая выдавшим виды коричневым дерматином еще в начале двухтысячных — открылась с привычным протяжным вздохом. Соня переступила порог, нащупала рукой выключатель и замерла в узком коридоре.

Дома её никто не ждал. Единственным живым существом, обитавшим здесь, был огромный, раскидистый фикус Бенджамина в глиняном горшке, который бабушка подарила ей на окончание института. Фикус молчал, меланхолично раскинув свои гляцевые темно-зеленые листья в полумраке прихожей.

Соня сбросила тяжелые, насквозь промокшие ботинки, аккуратно повесила куртку на деревянные плечики и прошла на кухню. Здесь всё было крошечным, но удивительно упорядоченным, словно в реставрационной мастерской. На подоконнике ровными рядами стояли баночки со специями, на стене висели старые медные турки, а на круглом столе, накрытом льняной скатертью в блеклую клетку, лежала раскрытая книга — монография по технико-технологической экспертизе живописи северного Возрождения. Соня оставила её здесь сегодня утром, когда пила свой торопливый рассветный кофе. Казалось, это было в прошлой жизни. До того, как Аркадий Николаевич закинул голову в кожаном кресле, и до того, как в её жизнь ворвался Глеб Потапов.

Она поставила старый со свистком чайник на газовую конфорку, чиркнула спичкой. Синее пламя весело лизнуло закопченное дно.

Сняв наконец мокрый свитер, Соня осталась в простой хлопковой футболке и завернулась в огромный, пушистый махровый халат ядовито-синего цвета — подарок бывшей сокурсницы, которая утверждала, что Соне нужно добавлять в жизнь «ярких красок». В этом халате она казалась себе еще круглее и нелепее, но сейчас ей было всё равно. Ей нужно было согреться.

Она села на табурет, поджав под себя ноги, и уставилась на огонь. Голова гудела так, словно по ней изнутри стучали крошечными молоточками. В ушах до сих пор стоял сухой, пулеметный треск печатной машинки капитана Гордеева и низкий, обволакивающий баритон Потапова: «Где картина, Софья?»

II

Чайник засвистел — сначала тонко, несмело, а затем перешел на пронзительный, требовательный крик. Соня выключила газ, насыпала в фарфоровый заварочный чайник щепоть крупнолистового черного чая и бросила туда же пару сушеных бутонов чабреца. Запах трав немного успокоил её, вернул ощущение реальности.

Она взяла чашку, перешла в единственную жилую комнату и села на диван. Напротив стоял массивный дубовый буфет — наследство от бабушки, профессора Вороновой. В стеклянных дверцах отражался блеклый свет уличного фонаря. На полках за стеклом ровными рядами стояли старинные книги, каталоги зарубежных выставок и несколько черно-белых фотографий в строгих рамках.

Соня посмотрела на одну из них. С матового снимка тридцатилетней давности на неё смотрела красивая, статная женщина с идеальной осанкой и строгим, умным лицом — её бабушка, Клавдия Васильевна. Рядом с ней стояла маленькая Соня — круглолицая девочка в нелепом ситцевом платье с огромными бантами в редких волосах, испуганно прижимающая к себе толстый альбом для рисования.

«Ты у меня особенная, Сонечка, — часто говорила Клавдия Васильевна, поглаживая внучку по голове сухой, пахнувшей книжной пылью рукой. — Мир сейчас стал быстрым, поверхностным. Люди разучились смотреть вглубь. А у тебя есть редкий дар — ты видишь суть вещей. Ты чувствуешь холст, чувствуешь душу художника. Не растрачивай себя на суету. Настоящее всегда тихое».

Соня вздохнула, сделала глоток обжигающего чая. Дар-то у неё, может, и был, но вот приспособиться к этому самому «быстрому миру» он ей никак не помогал. Вся её личная жизнь, сколько она себя помнила, была чередой нелепых, болезненных недоразумений.

В институте она влюбилась в Олега — яркого, талантливого реставратора-икониста с параллельного курса. Олег красиво курил, носил длинный шарф, цитировал Бродского и казался Соне полубогом. Она три года преданно смотрела ему в рот, писала за него курсовые по химии грунтов, варила ему осетровый клей в мастерской и пекла пирожки, которые он весело съедал со своими многочисленными друзьями. Соня искренне верила, что её внешность — её лишний вес, её очки, её неумение подбирать одежду — не имеют значения для человека такого духовного масштаба.

Иллюзия рухнула на четвертом курсе, когда Олег, ничуть не смущаясь, привел в их общую мастерскую Марину — тонкую, звонкую первокурсницу с факультета дизайна, которая не знала разницы между темперой и акрилом, зато обладала роскошной гривой рыжих волос и носила экстремально короткие юбки.

«Понимаешь, Сонь, — сказал тогда Олег, пряча глаза и нервно теребя свой шарф. — Ты потрясающий друг. Ты святая. Ты гений, правда! Но мужчина не может жить со святой. Мне нужна муза, понимаешь? Вдохновение. А ты... ты как надежный тыл. Тыл — это здорово, но от него не закипает кровь».

Соня тогда не плакала. Она молча собрала свои инструменты, забрала коробку с пигментами и ушла. Но внутри неё словно захлопнулась тяжелая, дубовая дверь, как в спецхране галереи. Она дала себе слово, что больше никогда, ни при каких обстоятельствах не позволит себе быть «надежным тылом» для мужчин, которым нужна легкая, звенящая красота. Она полностью ушла в работу. Профессия стала её монастырем, её убежищем. До сегодняшнего дня.

III

В это же самое время на другом конце Москвы, в элитном жилом комплексе на Остоженке, Глеб Игоревич Потапов стоял у огромного, во всю стену, панорамного окна своего пентхауса. За стеклом расстилалась ночная столица — гигантский, светящийся миллионами огней мегаполис, умытый бесконечным дождем. Отсюда, с тридцатого этажа, Садовое кольцо казалось гигантской, пульсирующей огненной рекой, а крыши старых московских переулков выглядели крошечными, игрушечными.

В пентхаусе царил идеальный, почти стерильный порядок. Здесь не было бабушкиных буфетов и пахнущих чабрецом чашек. Интерьер в стиле хай-тек: полированный бетон, темное стекло, хромированный металл и скрытая, мягкая подсветка. На стенах висели несколько полотен современных концептуалистов — жесткие, геометрические формы, холодные цвета. Своего любимого Левитана и других передвижников Глеб дома не держал — для них у него было выстроено специальное загородное хранилище.

Потапов сделал глоток сороколетнего виски из тяжелого хрустального стакана. Алкоголь приятно обжег горло, но не принес ожидаемого расслабления. Желваки на его скулах по-прежнему были напряжены.

На журнальном столике из черного мрамора лежал открытый серебристый ноутбук. Рядом покоилась тонкая папка из плотного пластика — оперативное досье, которое его служба безопасности подготовила всего за два часа. На первой странице из-под прозрачной пленки виднелась цветная фотография Софьи Вороновой — та самая, на паспорт, где она смотрела в объектив испуганно и строго, со своими вечными роговыми очками.

Глеб сел в глубокое кожаное кресло и потянул папку к себе. Он перевернул страницу.

«Воронова Софья Андреевна, 1994 года рождения, — читал он скупые строки отчета. — Место рождения — город Москва. Отец — Воронов Андрей Игоревич, инженер-конструктор, погиб в автомобильной аварии в 2002 году. Мать — Воронова Елена Николаевна, преподаватель музыки, скончалась после продолжительной болезни в 2010 году. Воспитанием субъекта занималась бабушка — Воронова Клавдия Васильевна, заслуженный деятель искусств РФ, профессор МГХПА им. Строганова, скончалась в 2019 году».

Потапов нахмурился. Круглая сирота. Ни братьев, ни сестер, ни влиятельных родственников. Вся жизнь — между сталинской квартирой бабушки на Ленинском проспекте (которую, судя по документам, Соня продала, чтобы выплатить долги матери за лечение, и купить свою однушку на окраине) и учебными аудиториями.

Он перевернул еще страницу, где содержался подробный финансовый отчет.

«Счета в банках: один дебетовый счет с остатком 42 000 рублей. Кредитные обязательства отсутствуют. Недвижимость: однокомнатная квартира общей площадью 36 квадратных метров на проспекте Вернадского. Автомобиль отсутствует. Зарубежные поездки за последние три года: одна поездка в Италию (Флоренция) по линии института Грабаря на международный симпозиум реставраторов. Бюджет поездки оплачен принимающей стороной».

Глеб откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Биография была не просто чистой — она была пугающе, кристально безупречной. Никаких тайных счетов, никаких связей с сомнительными личностями, никаких дорогих покупок, которые могли бы свидетельствовать о получении скрытых доходов от продажи краденого антиквариата. Софья Воронова жила на одну зарплату главного реставратора галереи, которая по меркам Москвы была более чем скромной.

«Связи, — подумал Глеб, открывая следующий раздел. — Личная жизнь».

Здесь информации было еще меньше. Один официальный брак, продлившийся всего четырнадцать месяцев, пять лет назад. Муж — Ковалев Дмитрий Сергеевич, мелкий предприниматель, занимавшийся поставками багета и подрамников для художественных мастер-

ских. Разведены по инициативе мужа. Причина развода в формулировке соседей: «Не сошлись характерами, жена постоянно пропадала на работе». После развода имущественных претензий друг к другу не заявляли.

Потапов горько хмыкнул. Картина вырисовывалась абсолютно четкая. Перед ним была классическая «синий чулок», женщина, которая добровольно замуровала себя в стенах реставрационной мастерской. Такие люди не крадут картины ради миллионов долларов. Они просто не знают, что делать с этими миллионами. Для них ценность холста измеряется не в банкнотах, а в количестве сохранившихся слоев авторского лака.

Но почему тогда система безопасности дала сбой именно через её код?

IV

Глеб встал, подошел к бару, плеснул себе еще немного виски. В его голове, привыкшей к четким экономическим схемам и жестким бизнес-комбинациям, сейчас шел сбой программы. Он привык иметь дело со злом понятным, мотивированным алчностью, мстью или жаждой власти. Когда его конкуренты пытались отжать у него металлургический комбинат в Липецке, Глеб точно знал, кто стоит за юристами, сколько занесли судье и какую цель преследуют заказчики. Там всё было прозрачно, хоть и грязно.

Здесь же всё было иначе. Мир искусства, в который он зашел как коллекционер, оказался куда более зыбким и опасным, чем мир крупного бизнеса. Под маской утонченности, благородства и разговоров о вечном тут скрывались такие бездны фальши, снобизма и подлости, от которых у видавшего виды Потапова порой шевелились волосы на голове.

Загорский. Холеный, лощенный Аркадий Николаевич. Потапов вспомнил, как тот заискивающе улыбался ему две недели назад, принимая Левитана. *«Глеб Игоревич, за сохранность можете не переживать. Наш спецхран — это швейцарский банк. Ни одна пылинка не упадет без ведома электроники»*. И вот теперь этот «банкир» лежит в своем кресле с пулей в груди, а швейцарский банк выпотрошен, как дешевая лавка на рынке.

Глеб снова посмотрел на фотографию Сони на экране ноутбука. Что-то в этой женщине зацепило его там, в душном и прокуренном кабинете следователя. Её глаза. Спокойные, глубокие, без малейшего признака той липкой, рабской паники, которую он привык видеть у людей, попавших в оборот уголовного розыска. Она смотрела на капитана Гордеева с легким оттенком превосходства — не высокомерного, а скорее профессионального, какое бывает у хирурга, объясняющего устройство анатомии студенту-первокурснику.

«Она знает что-то, чего не понимает полиция, — подумал Глеб, закрывая ноутбук. — И она действительно любит эту картину. Когда она говорила о кракелюре и форме пузырька лака на небе, у неё даже голос изменился. Стал... красивым».

Он поймал себя на этой мысли и недовольно поморщился. Красивым? Голос реставратораши в растянутом свитере? Потапов, дорогой, ты, кажется, переработал. Твоя бывшая жена, Инесса, тратила на уход за собой бюджет небольшого африканского государства, говорила на безупречном французском и двигалась с грацией породистой пантеры, но при этом внутри неё была абсолютная, звенящая пустота, которая в итоге привела её в постель его же главного конкурента. А у этой Сони... у неё внутри явно что-то было. Что-то теплое, прочное и подлинное. Как старый мастерский грунт, который держит на себе всю краску.

V

Соня допила чай. Чашка остыла, чабрец отдал всю свою горечь воде. В квартире стало тихо — даже шпиц за стеной наконец угомонился.

Она подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Дождь на улице превратился в густой, серый туман. Москва засыпала, пряча свои раны под ковром неоновых огней.

Завтра в десять утра ей нужно быть в галерее. Ей предстоит снова войти в этот коридор, пройти мимо запечатанного кабинета Аркадия Николаевича, спуститься в спецхран и лицом к лицу встретиться с Глебом Потаповым. Человеком из совершенно другого, пугающего мира. Мира, где люди привыкли ломать чужие жизни так же легко, как Соня ломала сухие сучки на подрамниках.

Она вспомнила, как он закрыл её своей широкой спиной от тела директора там, в кабинете. Это было странное, почти забытое ощущение безопасности. Ни её бывший муж Дима, ни Олег никогда не защищали её — наоборот, это она всегда была для них буфером, защищающим от житейских бурь. А Потапов... Потапов сделал это мимоходом, просто потому, что считал это правильным. Или потому, что она была его «экспертом».

— Не придумывай ничего, Воронова, — тихо сказала Соня своему отражению в темном стекле. — Для него ты просто инструмент. Ключ, с помощью которого он хочет вернуть свои миллионы. Как только картина найдется, он забудет твое имя через пять минут.

Она отошла от окна, выключила свет на кухне и пошла в спальню. Ложась в свою узкую, холодную постель, Соня завернулась в одеяло по самые уши, пытаясь унять непрекращающуюся внутреннюю дрожь. Спала она плохо. Ей снился Левитан. Художник стоял на коленях посреди грязного подмосковного поля, под проливным дождем, и пытался кистью удержать уплывающие в небо стога сена, а у него за спиной стоял Глеб Потапов в дорогом пальто и хладнокровно хронометрировал время по золотым часам.

VI

Утро наступило внезапно — резким, безжалостным звонком будильника в семь часов. Соня открыла глаза и несколько секунд не могла понять, почему у неё так сильно болит всё тело, словно её накануне разгружали вагоны. Потом воспоминания вчерашнего дня навалились на неё тяжелой, душной лавиной.

Она поднялась, подошла к зеркалу в ванной — маленькому зеркальцу, которое висело над раковиной. Из зазеркалья на неё смотрело бледное лицо с темными кругами под глазами. Волосы окончательно превратились в подобие вороньего гнезда.

— М-да, Воронова, — прошептала она, включая горячую воду. — Шедевр мирового искусства из тебя точно не получится. Максимум — эскиз угольным карандашом на оберточной бумаге.

Она тщательно умылась ледяной водой, чтобы хоть как-то прийти в себя.

Глава 4

I

Соня стояла у плиты, гипнотизируя взглядом узкое горлышко медной турки. Кофе поднимался лениво, нехотя, покрываясь густой, темно-ореховой пенкой. В квартире было зябко — центральное отопление, хоть и работало, явно не справлялось с промозглой октябрьской сыростью, сочившейся сквозь стыки панельного дома. Часы на стене показывали ровно восемь тридцать утра. До назначенной Потаповым встречи в галерее оставалось еще полтора часа, и Соня рассчитывала провести это время в относительной тишине, настраиваясь на тяжелый день.

Внезапно в тишину квартиры бесцеремонно ворвался резкий, требовательный звонок в дверь.

Соня вздрогнула, едва не выронив турку. Кофе мгновенно перелился через край, зашипел на раскаленной конфорке, наполняя кухню горьким, горелым ароматом. Выключив газ, она растерянно посмотрела в сторону коридора. Кто мог прийти к ней в такую рань? Почтальон? Назойливые коммивояжеры? Или... полиция? Капитан Гордеев вспомнил какую-то нестыковку в протоколе и решил устроить утренний обыск?

Сердце заколотилось в груди неровными, пугливыми ударами. Соня поправила ворот своего серого свитера, который сегодня казался ей особенно огромным и колючим, и медленно пошла по узкому коридору.

В глазок ничего не было видно — старая линза давно помутнела и покрылась царапинами.

— Кто там? — тихо спросила она, не снимая цепочки.

— Открывайте, Воронова. Это Потапов, — раздался из-за двери низкий, глухой баритон, который невозможно было перепутать ни с чьим другим. В этом голосе не было и капли утренней сонливости — только привычная, давящая уверенность.

Соня застыла. Пальцы, лежавшие на латунном замке, онемели. Глеб Потапов? Здесь, на окраине Москвы, в её Богом забытом панельном доме? У неё на пороге?

Она щелкнула замком и открыла дверь.

Потапов стоял на лестничной площадке, умудряясь выглядеть безупречно даже на фоне облупившейся зеленой краски стен и допотопного мусоропровода. На нем было всё то же темно-серое кашемировое пальто, идеально отглаженная белая рубашка без галстука и тонкий джемпер. Лицо его, бледное и резкое в тусклом свете подъездной лампы, казалось высеченным из камня. Глаза — холодные, серые, как утреннее московское небо — смотрели на Соню в упор, без всякого стеснения и вежливости.

— Глеб Игоревич? — Соня растерянно моргнула, поправляя сползающие очки. — Но мы же договаривались на десять. И в галерее...

— Планы изменились, — отрезал Потапов, бесцеремонно переступая порог и вынуждая Соню попятиться вглубь узкой прихожей. — Я не люблю терять время. В галерее сейчас до сих пор ковыряются криминалисты, толку от нас там пока никакого. Так что мы поговорим здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.